

— Может, это из-за той иглы? — пробормотал про себя Сюэ Сянь и снова взял тонкую иглу.

— А-ай! Что это меня укололо? — раздался глухой голос Цзян Шинина. — Что ты там опять устроил?

Сюэ Сянь вдруг спохватился и удивился:

— Как это ты снова говорить можешь?

Сам Цзян Шинин тоже задумался.

И правда, сегодняшний срок уже прошёл, и по логике он не должен был ни говорить, ни двигаться. Почему же вдруг снова обрёл дар речи?

Может, из-за того толчка, что был ранее? Хотя нет... Цзян Шинин заговорил ещё до этого, просто они оба не обратили внимания.

Или... у этого лысого монаха и впрямь что-то ценное припрятано? Сюэ Сянь заинтересовался ещё больше. Не раздумывая, он снова ткнул иглой Сюань Миню в бок.

Сюань Минь, собиравшийся выйти из круга людей, замер: «...»

Попастся в руки людям и вести себя так нагло — Сюэ Сянь, пожалуй, был первым, кто на такое отважился. Настоящий самородок.

Сюань Минь нахмурился и вытащил из потайного кармана бумажного человечка, который с самого начала не давал ему покоя. Сложенный в несколько раз Сюэ Сянь изрядно помялся, но на первый взгляд был похож просто на смятый лист бумаги — ничего человеческого, посторонний и не поймёт.

Сюань Минь без церемоний ухватил бумажную голову и попытался снять с неё «прилипшую» серебряную иглу.

Но игла держалась крепко, будто вросла в бумагу.

Сюань Минь опустил взгляд и холодно бросил бумажке:

— Отпусти.

Стражники: «...» Этот монах-мошенник не в себе? Или просто корчит из себя колдуна?

Советник Лю, ошеломлённый словами «вы недолго проживёте», наконец пришёл в себя и пришёл в ярость. Он ткнул пальцем в Сюань Миня и закричал:

— Ах ты, неблагодарный монах-бродяга! Вид у тебя подозрительный, происхождение тёмное. Даже если ты не тот, кто на портрете, я могу задержать тебя, пока не выясню всех твоих предков до восьмого колена, и это будет по закону! Я по доброте душевной не стал с тобой связываться, а ты не только не оценил, так ещё и проклятия насылаешь?! Эй, вы! —

Не дав ему договорить, Сюань Минь перебил:

— Лоб у вас тёмный, тусклый, чёрный в середине и синеватый по краям — это признак истощения удачи и скорой кончины. К тому же на левом ухе у вас кровавый след.

— Какой ещё кровавый след? — советник машинально потрогал ухо, но на пальцах не было крови.

— Вы его не видите, — Сюань Минь, наконец сняв иглу, убрал её в карман, холодно глянул и щёлкнул бумажного человечка по голове.

Впервые в жизни кто-то осмелился щёлкнуть его! Сюэ Сянь подумал, что этот лысый монах, видимо, всю воду из Янцзы выпил, раз так вошёл во вкус! Он уже собрался рассвирепеть, но услышал про «кровавый след на ухе» и замер. С трудом повернувшись в пальцах монаха, он взглянул на советника Лю.

У того, у левого, слегка оттопыренного уха, близко к виску, и вправду была красная отметина — с виду будто брызги чьей-то крови.

Увидев этот след, тонкое бумажное тело Сюэ Сяня дрогнуло. Давно сдерживаемые гнев и ненависть сорвали крышку и хлынули наружу, словно ревущий поток.

В помутнении сознания ему снова привиделся тот влажный морской берег, где свинцовые тучи затянули полнеба, солёный запах прибоя накатывал волнами, не умолкали гром и ливень... А он лежал неподвижный, сознание мутное, боль в спине пронзала до костей, точно мириады муравьёв точили его изнутри...

У него на живую вырвали весь позвоночник, а он даже не разглядел, как выглядел тот, кто это сделал...

Пока в голове у Сюэ Сяня бушевало, советник Лю всё ещё ощупывал своё ухо и, хмурясь, спросил Сюань Миня:

— Что значит — не вижу?! Не городи, монах, вздор! «Лоб тёмный, кровь и беда» — такие слова любой шарлатан знает! Что это за кровавый след такой?!

Что это за кровавый след?

Сюэ Сянь приподнял веки и уставился на советника Лю.

Такой след на ухе оставляет кровь человека, затаившего обиду, — метка, чтобы потом, когда придёт время мстить, не перепутать врага. Пока он сидел в кармане и боролся со Сюань Минем, Сюэ Сянь не заметил, но теперь, успокоившись, он уловил запах, исходивший от советника.

Запах шёл от кровавого следа — похожий на ржавчину, но не совсем. Для Сюэ Сяня он был до боли знакомым — это была его собственная кровь.

С того дня, как он очнулся, он искал того, кто вырвал у него позвоночник. Но он не знал ни его облика, ни происхождения, поэтому поиски шли впустую. Единственной зацепкой была его собственная кровь. Тот, на кого она попала, был тем, кто в тот день оказался на том берегу.

Таких людей, наверное, было около сотни. Он разыскал кое-кого из них. Из их слов Сюэ Сянь кое-что выяснил. Но этого было мало, катастрофически мало. С такими скудными уликами найти того человека было всё равно что иголку в стоге сена.

Поэтому последние полгода Сюэ Сянь пробирался сюда, из Хуамэня в Ниньян, чтобы найти новые зацепки и поскорее вытащить на свет своего губителя...

Бумажный человечек, брыкавшийся у него в пальцах, вдруг затих. Сюань Минь решил, что тот наконец сдался и прекратил бесполезную борьбу. Он снова сунул Сюэ Сяня в карман и, бросив взгляд на советника Лю, сказал:

— Вы должны были умереть сегодня, но кто-то стал вашим заместителем.

Сказав это, он отвёл глаза и бросил через плечо:

— Верите или нет — как хотите. — Больше не тратя слов, он шагнул вперёд.

Но довести человека до такой ярости и уйти — уже не выходило.

Советника Лю до белого каления довели эти рассуждения о скорой смерти. С одной стороны, он считал бродячего монаха вруном, с другой — раз речь шла о жизни, в душе зашевелилась тревога.

Мошенники в девяти случаях из десяти любят такие приёмы: сначала оглушить «грозной бедой», заставить человека изводиться, потом сделать вид, что уходят, изображая высокомерие. Так всегда найдутся те, кто клонет: «Ладно, заплачу, чтобы откупиться, вдруг правда?»

Советник мысленно твердил себе, чтобы не поддался, и приказал стражникам:

— Хватайте его!

Дурачить саму уездную управу — сам напросился на расправу!

В тот миг, когда стражники уже схватили Сюань Миня за рукава, послышался запыхавшийся крик:

— Господин! Господин, беда!

Все обернулись и увидели, как слуга, спотыкаясь, подбежал к советнику Лю, едва остановился и с перепугу выпалил:

— Господин, молодой господин... он в колодец свалился!

— Что?! — у советника подкосились ноги, и волосы на затылке зашевелились.

Он машинально глянул на Сюань Миня, окружённого стражниками, и сердце ёкнуло. В тот миг он и сам не знал, что делать: бежать домой или сначала схватить монаха.

— Господин! — слуга снова крикнул.

Советник вздрогнул, в растерянности бросился за слугой, впопыхах чувствуя, как голова тяжёлая, а ноги не свои. Пробежав пару шагов, он резко обернулся:

— Отпустите, все отпустите! — Он ухватил Сюань Миня за рукав. — Ты... ты... нет! Пойдёшь со мной, взглянешь!

Сюань Минь нахмурился, с отвращением стряхнул его пальцы и уже собрался что-то сказать, как почувствовал движение в кармане. Бумажный человечек, которого он только что убрал, выскользнул наружу, уцепился за рукав советника Лю, а затем, воспользовавшись моментом, перепрыгнул на воротник слуги и умчался вместе с ним!

Слуга, хоть и коротконогий, бежал быстро — вероятно, из-за молодости, в движениях была какая-то суетливая прыть. Он бежал, поминутно оглядываясь на плетущегося сзади советника, глаза его так и бегали, и он вовсе не заметил, что на его воротнике прицепилось нечто.

Ноги у Сюэ Сяня не слушались, и даже превратившись в бумажного человечка, он оставался полупарализованным. Лишь цепкими руками он изо всех сил впился в нового «скакуна».

Бумага была слишком тонкой. Под бешеным галопом «скакуна» Сюэ Сянь трепетал на ветру, его чуть не вырвало, пока они наконец не добрались до дома советника Лю. Уезд Ниньян был зажиточным местом, и советник, видимо, жил неплохо: его усадьба была куда больше, чем разрушенный лекарский зал семьи Цзян.

<http://bllate.org/book/16289/1467745>